

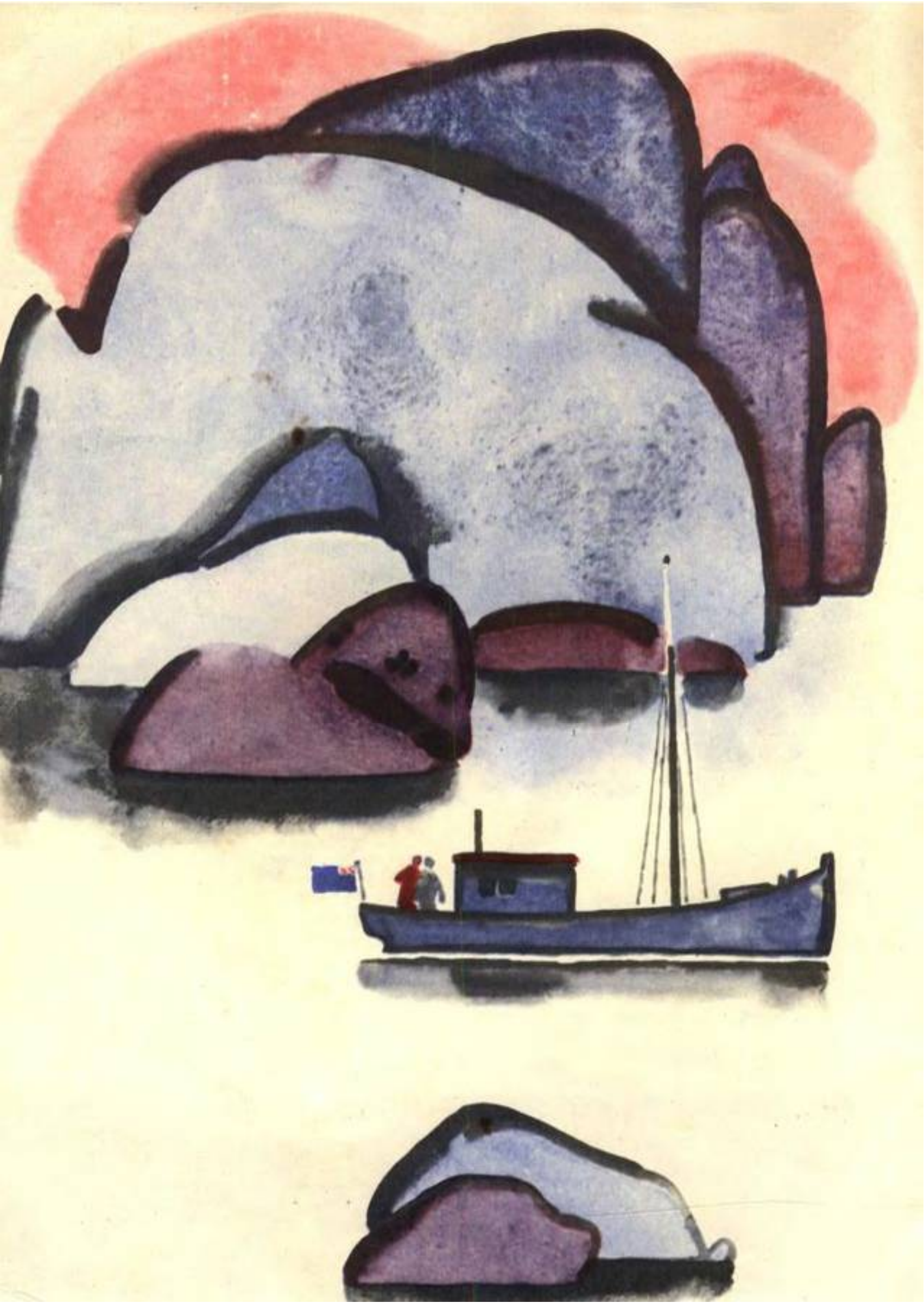

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

ГАЛИНА МАМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

ГАЛИНА МАМА

ПОВЕСТЬ

Москва ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1972

Дорогие ребята!

Перед вами книга писательницы Сусанны Михайловны Георгиевской. Прочитайте ее, и вы узнаете, какая храбрая мама у Гали, как она мужественно сражалась с врагом на войне. А когда прочитаете, напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, д. 43. Дом детской книги.

Рисунки Н. Цейтлина

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега.

Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу.

Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка — их всех троих эвакуировали из Ленинграда.

Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она, так же как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло.

Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружкí, большие и маленькие, и проводила разные линеечки — жирные или тоненькие, как волосок. Это называлось «чертить».

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щёточками и летали в тени стрекозы — несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

— Мама, машина! — кричала Галя. — Попроси!..

Галина мама медленно оборачивалась — не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она поднимала руку.

Грузовик останавливался.

— Подвезите нас немножко, пожалуйста, — говорила мама. — Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку.

Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки.

Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама! Ай, мама!»

Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине.

Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

— Спасибо, товарищи, — говорила мама.

Машина вздрагивала и останавливалась.

— Галя, скажи и ты спасибо.

— Спасибо! — кричала Галя, уже стоя на мостовой.

Вверху улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев.

Вся улица вокруг них как будто притихла. Люди останавливались и молча покачивали головами.

Многие женщины тихонько плакали.

И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покати́л он по улицам города Куйбышева. За ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками.

Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

— Галя, — вдруг сказала мама, — я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

— Уйдёшь? — спросила Галя, и глаза у неё стали круглые и мокрые. — На фронт? Без меня?

Глава вторая

А через два месяца Галя и бабушка провожали маму.

На вокзале толпились люди.

Бабушка подошла к пожилому военному и сказала:

— Товарищ военный, дочка моя на фронт едет. Единственная. Молоденькая совсем... Будь-

те уж столь любезны, если вы едете в этом поезде, не дайте её в обиду.

— Напрасно, мамаша, беспокоитесь, — ответил военный. — Какая тут может быть обида!

— Ну вот и хорошо, — сказала бабушка. — Благодарствуйте.

Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон.

Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном.

Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!» — и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы.

А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

— Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... Не надо, мамочка!

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк. И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

А мама в это время всё ехала и ехала.

В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И оттуда вместе со светом шли облака махорочного дыма. Все скамейки были уже заняты.

Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт. Она вспоминала, как бабушка бежала за поездом в

своём развевающимся платке, вспоминала круглое личико Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное под мышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд — на войну.

Глава четвёртая

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером. Там нет ни лесов, ни полей — есть одна только тундра, вся затянутая ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает.

Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале — в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубili в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! — иногда думала Галина мама. — Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но шла война, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да Галиной маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе — так у флотских называется кухня, — то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова.

Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное.

Только далеко, там, где небо упирается в землю, стояли неровными зубцами горы.

Это был хребет Тунтури.

Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер и бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И было так пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе.

Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо.

С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

— Ну, ты, пошла, пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

И вот они выбрались к самому заливу — лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист глянцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце — так чист, так спокоен был небесный купол.

И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то, со стороны Тунтурей, прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег.

Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

— Ну, старушка родная, гони! — закричала мама и изо всех сил прищипорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала

на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались.

Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой.

Маме очень хотелось пить. Она пожевала снег, потом потихоньку вынула ногу из стремени, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошнило.

Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тунд-

ра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну ещё десять шагов! Ну ещё пять! Ну ещё три!»

Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней.

Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть — и она пришла.

— Пришла!.. — сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку.

Маму подняли и понесли на носилках в санитарную часть.

В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо — не от мамы, а от начальника госпиталя.

Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом всё-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

— Так я и знала! Так я и знала! — плача,

говорила бабушка. —
Чуяло моё сердце!

— Моя мама рана,
— рассказывала Галя во дворе. — Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Гали-

ной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

А потом Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама.

Они остановились у родных, в Большом Каретном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму.

Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки ещё не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала её, как маленькую: «Ну, съешь ещё немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!..»

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё негнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как раньше одевала и причёсывала Галю. А Галя возила её через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет,

открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному:

«Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел такого-то числа, в три часа дня».

Открытка была послана несколько дней назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трёх часов оставалось всего полтора часа.

Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали в наградной отдел.

Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с ма-

мой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

— Я лучше здесь похожу, — сказала она. — Уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик. И тут всем стало видно, что под шинелью у мамы — красивая, парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали — матросская блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

— Глядите-ка! Два моряка! — сказала гардеробщица.

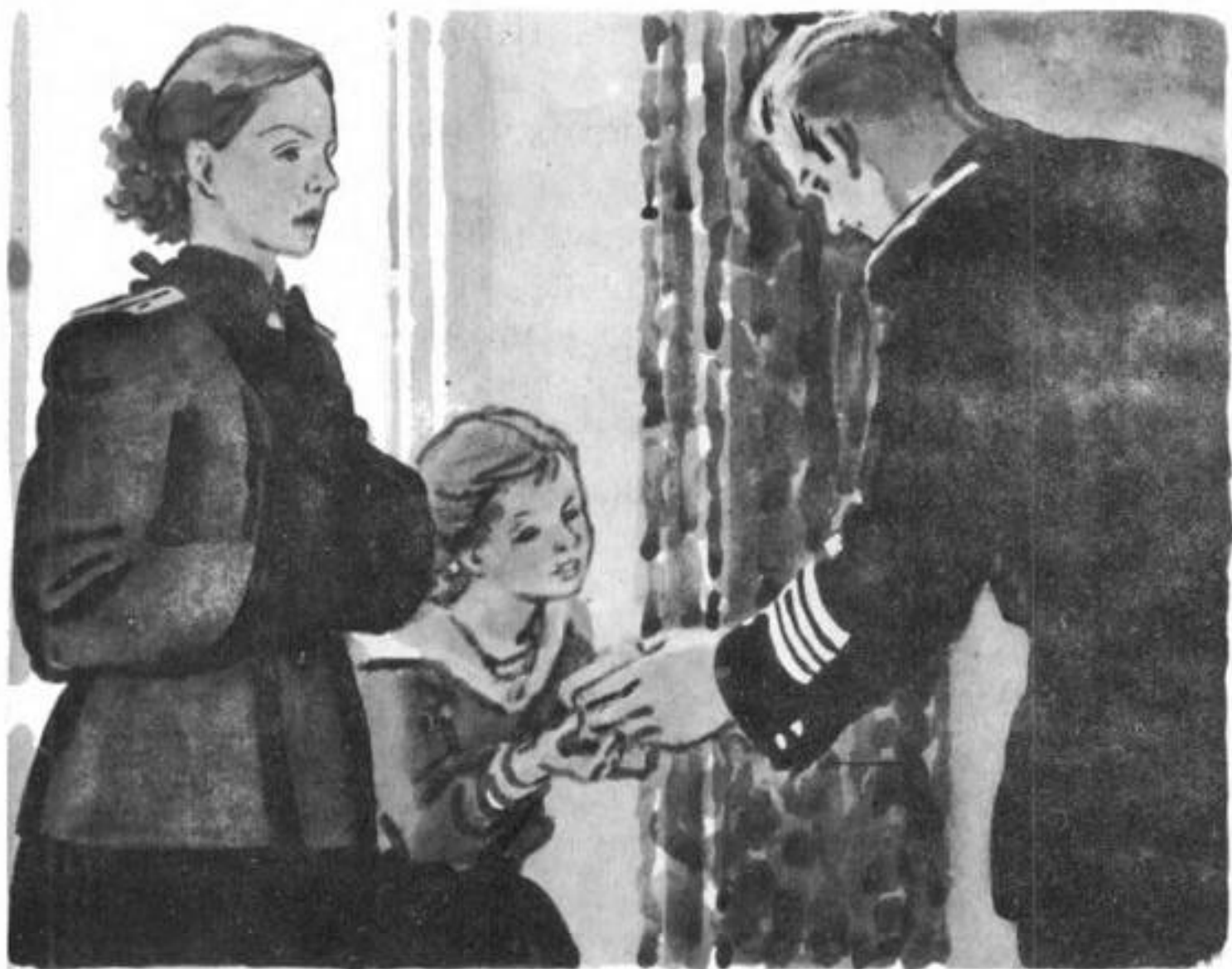
Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади — Галя.

За дверью сказали: «Прошу!» — и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов.

Галя и мама остановились у дверей.

Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синего кителя виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана торчал платочек. А в кармане юбки — Галя это знала — лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью «Смело в бой, отважный танкист!». Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навтыяжку. Рядом в матросской куртке стояла навтыяжку Галя.

Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

— За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... — и протянул коробочку.

Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали Родину,

эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

— Возьми, девочка, — сказал он. — Ты можешь гордиться своей мамой.

— А я и горжусь! — ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

— Служу Советскому Союзу!

И они обе — мама и Галя — пошли к двери.

Впереди шла Галя с коробочкой, сзади — мама с руками в перевязках.

Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны — единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

— Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

Но тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

— Отчего же! — сказала женщина. — Конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице.

Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный.

Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я услышала всю эту историю и записала её слово в слово от начала до конца — по порядку.

Д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

Георгиевская Сусанна Михайловна

ГАЛИНА МАМА

П о в е с т ь

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина.*

Художественный редактор *Н. З. Левинская.*

Технический редактор *Е. М. Захарова.*

Корректор *В. Е. Калинина.*

Сдано в набор 3/I 1972 г. Подписано к печати 27/IV 1972 г. Формат 70×100¹⁶/₃₂. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. (Уч.-изд. л. 1,73). Тираж 1 200 000 экз. ТП 1972 № 273. Цена 7 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литс. при Росглавполиграфпроме Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 495.

7 коп.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Д О Р О Г И Е П Е Р В О К Л А С С Н И К И

**Издательство «Детская литература» выпускает для вас
серию книг «Читаем сами».**

В 1972 году в этой серии выйдут следующие книги:

Барто А.

ЗВЕЗДОЧКИ В ЛЕСУ.

Стихи

Кононов А.

РАССКАЗЫ О ЧАПАЕВЕ.

Гайдар А.

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ.

Рассказы

Могилевская С.

СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ.

Сказка о маленьком барабанщике,
герое гражданской войны

Осеева В.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО.

Рассказы

Пермяк Е.

ПИЧУГИН МОСТ.

Рассказы.